

Жамцарано Ц.Ж. Монгольские летописи XVII века // Труды Института востоковедения. – М.; Л., 1936. Т. XVI. – 122 с.

Золотая Орда в источниках. – М., 2003. – Т. I. – 448 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 320 с.

Книга Марко Поло. – М.: ГИГЛ, 1955. – 376 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков, 1956. – 347 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. – М.; Л., 1941. – Т. I. – 620 с.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. – М.; Л., 1958. – 190 с.

Кульпин Э.С. Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в (XIII-XV веках) // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 74–88.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М., 1969. – 212 с.

Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). – М.: Наука, 1973. – 440 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа: Китап, 1994. – 360 с.

Очерки истории распространения исламской цивилизации. – М.: РОССПЭН, 2002. – Т. 2. – 640 с.

Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. Изд. 2-е. – М.: Наука, 1977. – С. 107–139.

Плано Карпини, Иоанн де. История Монголов. – СПб., 1911.

Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. – М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2006. – 350 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – М.; Л., 1952. – Т. I. – Кн. 1. – 222 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – М.; Л., 1952. – Т. I. – Кн. 2. – 316 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – М.; Л., 1960. – Т. II. – 248 с.

Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Казань, 1906. 336 с.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). – М.: ИНСАН, 1996. – С. 277–526.

Старинное монгольское сказание о Чингис-хане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1866. – Т. IV. – С. 3–258.

Сузdalская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. – М.: ИВЛ, 1962. – Т. 1. – Вып. 2. Стб. 287–488.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб., 1884. – Т. I. – 564 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.; Л., 1941. – Т. II. – 308 с.

Уолкер С.С. Чингиз-хан. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 320 с.

Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – 222 с.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV века // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). – М.: ИНСАН, 1996. – С. 73–276.

Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М.: АСТ, 2004. – 557 с.

Ю.В. Сочнев

Формирование и трансформация золотоордынской политики по отношению к русской православной церкви (XIII–XIV вв.)¹⁵⁰

Конец 1242 – начало 1243 г. – время образования Золотой Орды. Составляющей частью этого процесса было и оформление отношений с завоеванной Русью. С 1243 г. русские князья начинают по требованию Бату-хана, выезжать к нему за утверждением на своей «отчине», что означало признание вассальных отношений. Вслед за этим последовало обложение данью со стороны монгольской администрации.

Первая перепись русского населения, упомянутая в отчете католического посла и миссионера Плано Карпини, проходила в Южной Руси в начале 1246 года. (Путешествия, 1957, С.55, 67, 217). Эти события отразились и в «Сказании о убиении в Орде Михаила Черниговского и его боярина Федора» (Серебрянский, 1915, приложение с.50) Акция монгольских властей была связана с борьбой за престол и избранием в 1246 г. Кааном Гуюка. Как показано еще А.Н.Насоновым, эксплуатация

¹⁵⁰ Статья подготовлена на основе результатов работы 1992 г. (Сочнев, 1992) и последующих исследований автора. Отмечаем это в связи со странной тенденцией, проявляющейся в статьях по данной тематике, вышедших после 1992 г., где зачастую без ссылок повторяются результаты и выводы предшественников, а их аргументация просто игнорируется. См., например, Белозеров, 2002.

русских земель находилась в руках имперской администрации и направлялась из Кара-Корума (Насонов, 1940, С.12–13). После смерти Угэдэй-каана во временное правление империей вступила его жена Туракина (Рашид ад-Дин, 1960, с.115–117; Мункуев, 1965, с.86). Пользуясь своей властью, она, вопреки завещанию Угэдэя, решила поставить на престол своего сына Гуюка. Но, из-за сопротивления части кочевой аристократии, курилтай не собирался в течение почти 5-ти лет. Весь этот период от имени объявленного наследника и в первое время после его воцарения правила Туракина. В ее междуцарствование была распространена практика отдачи сбора налогов на откуп. У Карпини, видимо, упоминается один из таких откупщиков, получивший полномочия от Туракины и Гуюка. О требовании дани монголами от Даниила Романовича во время поездки к Бату-хану в конце 1245 г. информирует и Галицко-Волынская летопись. (ПСРЛ, т.2, стб.808) После утверждения Кааном Гююк предпринял меры по упорядочению дел со взиманием налогов. (Рашид ад-Дин, 1960, с.119–120) О действиях сборщиков налогов сообщал Киракос Гандзакеци. Издатели «Истории Армении» относят эти события к 1246/1247 г. (Киракос Гандзакеци, 1976, с.193, 302).

Перепись 1246 г. охватила в основном южные княжества, сведений о ней в Северо-Восточной Руси нет. Но в Новгородской III летописи сообщается: «В лето 6754 (1246) ... великий князь Ярослав Всеволодович... начал дань давать в Златую Орду» (ПСРЛ. т.3, с.220). Возможно, что в отношении Северо-Восточной Руси Ярославу Всеволодовичу удалось добиться некоторых льгот, используя свои дружественные отношения с Батыем, и авторитет у Гююка (Путешествия, 1957, с.75, 82). Он не участвовал в войне с монголами и сразу же проявил готовность подчиниться Бату-хану (в отличие от Михаила Черниговского, убившего монгольских послов и долго скрывавшегося), чем обеспечил доброжелательное отношение к себе со стороны ордынского хана (Насонов, 1940, с.26–32).

Считаясь лояльным вассалом, князь Ярослав мог рассчитывать на льготы в налоговом отношении и добился сохранения сбора дани в собственных руках, не допустив откупщиков в свои владения. Вероятно, именно эта форма даннических отношений была свойственна северо-восточным землям до 1257 г., в отличие от политически разгромленных южных княжеств – Киевского, Черниговского, Переяславского, Новгород-Северского. Эти княжества, из-за близости к кочевьям монголов, попали в более жесткую зависимость от Бату-хана. На северо-востоке еще и в 1252 г. «выходы и тамги» платил великий владимирский князь, их неполная выплата ставилась в вину Андрею Ярославичу (Татищев, 1996, с.40). Возможно, что смерть Ярослава в какой-то мере связана с этим политическим стремлением сохранить некоторый суверенитет.

Установление системы зависимости княжеской власти на Руси от монгольских ханов с неизбежностью затрагивало и духовную организацию. Русская православная церковь, достаточно заметно интегрированная в политическую систему русских княжеств, после признания большинством светских правителей верховенства завоевателей не имела альтернативы вынужденному сотрудничеству с последними. Это определялось объективными условиями того времени, а не желанием высших иерархов.

Усугубляло ситуацию разрушение церковной структуры, разорение хозяйства и отсутствие на Руси митрополита. Прибывший на киевскую кафедру в 1237 г. грек Иосиф исчез в бурные дни нашествия монголов. (ПСРЛ, т.25, с.126). После 1237 г. (до 1250 г.) нет известий о русских митрополитах. Это обстоятельство ставило русскую церковь в еще более зависимое положение от князей.

Как и большинство явлений общественно-политической жизни Монгольской империи, основы ее религиозной политики заложил ее основатель – Чингиз-хан, определив в сборнике монгольских законов, именуемом персидскими авторами Великая Яса, отношение к религиям, с которыми кочевникам приходилось соприкасаться в процессе образования своего государства. В соответствии с общимперскими принципами религиозной политики, закрепленными Великой Ясой, монгольские владыки в своих владениях жаловали налоговые льготы представителям различных конфессий. Изученные сведения источников показывают, что в большинстве улусов степной державы религиозная политика строилась на общих основаниях и была довольно стабильной (Сочнев, 1992, с. 44–54; 2003, с.59–68). Особенно это характерно для XIII в., когда сохранялось единство монгольской империи. В соответствии с этими принципами действовали золотоордынские ханы и в отношении русской церкви.

На 1245–1246 гг. приходится, по всей видимости, оформление первых льгот для русской церкви. В сохранившемся переводе ярлыка Менгу-Темира есть ссылка на ярлыки Чингиз-хана и его преемников духовенству (Ярлыки. 1955, с.467), а льготы, зафиксированные в них, были подтверждены автором дошедшего до нас документа. По монгольским представлениям, русские княжества являлись частью Монгольской империи, принадлежавшей правящему роду Чингизидов, поэтому эксплуатацией русских земель занимались представители имперской администрации при участии чиновников Бату-

(Федоров-Давыдов, 1973, с.28–34). Поэтому пожалования духовенству должны были исходить от верховной власти, от имени монгольского Каана. Оформление системы эксплуатации русских земель происходило в период правления каанов Гуюка и Мункэ. Их же политика, в том числе и религиозная, опиралась на традиции Чингиз-хана и его предшественника Угэдея.

Как известно, в Великой Ясе содержалось предписание покровительствовать представителям всех религий и освобождать их от повинностей и налогов. В соответствии с этой своеобразной «конституцией» Монгольской империи издавались и конкретные указы. Самым ранним являлся указ самого Чингиз-хана об освобождении от налогов и повинностей даосского проповедника Чан-Чуня и его последователей. В китайских источниках есть ссылки на указы первых монгольских ханов, освобождающих духовенство буддийское, даосское, христианское и мусульманское от податей и повинностей (Мункуев, 1965, с.53–54; Попе, 1941, с.61). Среди этих правителей назывались Чингиз-хан и Угэдэй. Последний подтвердил указ отца, касающийся льгот духовных лиц, как и все другие указы, сразу же после вступления на престол осенью 1229 г. (Рашид ад-Дин, 1960, с.29) Возможно, Угэдэем были внесены некоторые дополнения. Одним из первых мероприятий нового правителя были шаги, упорядочившие взимание налогов с завоеванных стран (Мункуев, 1965, с.72–74). В связи с этим определяется круг лиц, наделенных тарханами. Гюок, вступив на престол, «подтвердил все законы отца, и приказал, чтобы каждый ярлык, украшенный ал-тамгой Каана, подписывали, без представления ему на доклад» (Рашид ад-Дин, 1960, с.102). Без сомнения, среди них был и рассматриваемый нами указ.

Преемник Гюока, Мункэ-каан, также ссылался па ярлыки Чингиз-хана и Угэдея, освобождая духовных лиц от налогов (Рашид ад-Дин, 1960, с.141–142) Следующий Каан Хубилай, в противовес своему противнику Ариг-Буге, религиозные общины христиан, буддистов и мусульман города Кракорума, «в соответствии с указаниями Чингиз-хана и Мункэ-каана сделал тарханами на прежних основаниях» (Рашид ад-Дин, 1960, с.164).

Прослеживается четкая преемственность в религиозной политике монгольских правителей в период единства империи. Их распоряжения в конфессиональной сфере являлись общеимперскими, ~~т.к.~~ были связаны с финансовым положением и взиманием налогов. Констатируем, что отношение к русской церкви было частным проявлением общемонгольской политики.

Первые действия в формировании системы эксплуатации русских земель были предприняты, как отмечалось, при Каане Гюоке. Естественно, первые налоговые льготы предоставлялись в это же время кругу лиц, заслуживающих этого с точки зрения монгольской администрации. Гюок, как и все монгольские правители, отличался веротерпимостью, но среди всех религий несколько больше покровительствовал христианству (Армянские источники, 1962, с.66).

О его правлении В.В.Бартольд писал: «Наиболее благоприятным было положение христиан в кратковременное царствование Каана Гюока, получившего христианское воспитание..». (Бартольд, 1964, с.316). Причины раскрыты в труде Рашид ад-Дина, в итоге отмечавшего: «... не было недостатка в отречении от веры ислама, и дело христиан во время правления Гюок-хана взяло верх, и ни у одного мусульманина не было силы поднять против голос» (Рашид ад-Дин, 1960, с.120). Итак, в период правления Гюока христианское духовенство в подвластных монголам землях вполне могло рассчитывать на льготы.

В западной части Монгольской империи в это время также сложилась благоприятная для христиан ситуация. Хан Бату, имевший здесь верховную власть, не склонен был принимать крещение, но предстаёт как сторонник традиционной политики веротерпимости. Большую склонность к христианству имел Сартак¹⁵¹ (Патканов, 1873, с.11), старший сын и наследник Бату. Приверженность наследника престола в Золотой Орде к христианству открывала большие возможности в сфере дипломатии для представителей христианского духовенства разных направлений. Усиливали значение этого факта традиции кочевников, согласно которым старший сын получал в свою компетенцию все вновь приобретенные земли. В этом контексте не кажется удивительным, что Сартак мог предоставить финансовые льготы. Киракос, отметив, что Сартак воспитывался корнилией-христианкой, далее сообщал: «вступив в возраст, он уверовал в Христа и был крещен сирийцами, которые вырастили его. Он во многом облегчил положение церкви и христиан и с согласия отца своего издал приказ об освобождении (от податей) священников и церкви, разослав его

¹⁵¹ Сирийский историк-монофизит Абу-ль-Фарадж сообщал, что Сартак даже был посвящен в диаконы (Бартольд, 1964, с. 264). Но едва ли это событие имело серьезное значение. Рубрук, во время своего путешествия неоднократно общавшийся с несторианами, отмечал невежественность их церковнослужителей и распространенный обычай поставлять в священники всех младенцев, даже в колыбели (Путешествия, 1957, с.132–133).

во все концы, угрожая смертью тем, кто взыщет подати с церкви или духовенства, к какому бы племени они не принадлежали, даже с мусульманских мечетей и их служителей» (Киракос Гандзакеци, 1976, с.219). Эти действия золотоордынских правителей находились в русле общеимперских мероприятий Каана Гуюка и соответствовали его указу.

Учитывая, что в Золотой Орде и Каракоруме довольно много было русских представителей, в том числе и клириков (Путешествия, 1957, с.41, 78, 107), можно предположить их прекрасную осведомленность о политике монголов. Обладая информацией, русские духовные и светские власти стремились распространить предоставляемые монголами льготы и на русскую церковь, этому способствовало и налаживание отношений между Бату и Ярославом Всеволодовичем. Поскольку на Руси в это время еще не было официально поставленного митрополита, то ярлыки, оформлявшие льготы, могли получать епископы, самостоятельно управлявшие в своих епархиях. Возможно, что для южных княжеств Руси льготы духовенству были менее значительны из-за налоговой политики, которую проводили монголы в отношении этих земель, сказывалось также и опасение Даниила Галицкого, стремившегося к независимости и идущего ради этого на унию с Ватиканом.

Для Северо-Восточной Руси ярлык мог получить ростовский епископ Кирилл, оставшийся здесь единственным из иерархов высшего ранга и осуществлявший, как это известно, из «Повести о Петре, царевиче ордынском», связи с двором монгольского хана в Золотой Орде.

Несмотря на возникновение, по мнению большинства исследователей, этого произведения в XV в., информация, сообщаемая в нем, о церковной жизни Ростовской епархии в XIII–XIV вв., заслуживает внимания как достаточно достоверная. При изложении этих событий, в том числе и о поездках епископа Кирилла в Орду, автор повести использовал летописные записи, сделанные при Петровском монастыре в Ростове (Словарь книжников, 1989, с.258) Из содержания повести мы узнаем о двух поездках епископа Кирилла ко двору золотоордынского хана, но есть основания предположить, что их было больше. Наиболее подробно была освещена вторая поездка, когда русский иерарх был вызван ханом для лечения своего единственного сына. Кирилл исцелил больного царевича, за что хан повелел давать в ростовский храм Успения Богородицы ежегодную дань. При дворе хана, как видно из повести, епископ вел активную проповедническую деятельность. Под влиянием его рассказов, племянник золотоордынского правителя ушел с ним в Ростов, где и был крещен под именем Петра (Повесть, 1958, с.99). Эти сведения показывают особое расположение хана к ростовскому епископу. Ему позволялось обращать в христианство даже высших представителей ордынской аристократии. Впрочем, крещение Петра не было единственным примером. Царевича женили на дочери одного ордынского вельможи, уже жившего в Ростове (Повесть, 1958, с.102).

В свое время В.О. Ключевский высказал предположение, что уход Петра в Ростов можно датировать 1253 г., и считал золотоордынским ханом, у которого был Кирилл, Бату, а не Берке, автор, по мнению ученого, перепутал имена правителей в Орде. Действительно, в повести правителем, вызвавшим Кирилла, назван хан Берке. В.О.Ключевский обратил внимание на возникающие в этом случае неясности и хронологические несоответствия (Ключевский, 1988, с.40). Петр ушел язычником, не знакомым еще с исламом, а Берке вступил на престол уже мусульманином. (Путешествия, 1957, с.117; Рашид ад-Дин, 1960, с.133). В повести говорится, что Берке умер вскоре после ухода Петра, дальше сообщается о крещении последнего епископом Кириллом вскоре после смерти хана. Но смерть Берке последовала в 1266 г., а епископ Кирилл умер за 4 года до этого – в 1262 г. (ПСРЛ, т.1, стб.524). К этому следует добавить, что дата смерти Батыя – 1256 г., гораздо лучше согласуется с данными «Повести о Петре» и, кроме того, у Берке не было потомства, вследствие чего после его смерти престол перешел кнуку Батыя хану Менгу-Темиру (Сборник, 1941, с.53). Гипотеза В.О.Ключевского о дате прихода царевича Петра в Ростов, а следовательно, и относительно второй поездки епископа Кирилла находит подтверждение и в исследованиях последнего времени (Белякова, 1988, с.78). Итак, вторая поездка Кирилла в Орду, скорее всего, относится к 1253 г.

Когда же была первая? Можно предположить, что в период оформления отношений русских князей с Золотой Ордой ростовскому епископу, как единственному представителю высшей церковной иерархии в Северо-Восточной Руси, также приходилось сталкиваться с этой же проблемой. В 1246 г., когда русские князья отправились ко двору Батыя, ему, вероятно, приходилось бывать в монгольских степях. Вспомним, что Карпини видел русских клириков в ставке Батыя и в Каракоруме. Поездки русского духовенства в Золотую Орду в это время вызывались не только нуждами церкви, но и дипломатическими причинами, поскольку церковные иерархии традиционно выступали в качестве послов, представителей князей и конфликтующих городов.

Таким образом, уже в 1246 году представители русской церкви получили первые ярлыки,

закрепляющие льготы. Эти ярлыки были даны от имени Каана Гуюка и подтверждены Бату-ханом. Подтверждение распоряжения общеимперского Каана правителем Золотой Орды, повелевавшего большей частью западных территорий монгольской империи, было необходимо. Это видно из рассказа Киракоса, хотя о несколько позднейшем событии. Армянский царь Гетум, вернувшись от Каана из Каракорума, тотчас послал священника Барсега к Бату, «показать ему грамоты и приказ Менгу-хана, дабы и тот написал приказ в соответствии с грамотами (Каана)» (Киракос Гандзакеци, 1976, с.225). Эти пожалования финансовых и податных льгот были подтверждены последующими ханами как в Сарае, так и Каанами в Каракоруме.

Перепись населения в Северо-Восточной Руси в 1257 г. была связана с реформами Каана Мункэ. В его правление оседлые земли были окончательно изъяты из-под управления монгольской кочевой аристократии и переданы общеимперской администрации (Федоров-Давыдов, 1973, с.31). С целью увеличения доходов казны каракорумская администрация начала перепись налогоплатежного населения на всей территории Монгольской империи, во всех завоеванных странах. В ее ходе вводились твердо установленные подати, предпринимались меры по облегчению положения податного населения, среди них учет доходов и предоставление финансовых льгот определенному кругу лиц. Немалую часть пожалованных составляло духовенство: «...исключая лиц, освобожденных от стеснительных обязанностей и повинностей согласно ярлыку Чингиз-хана и Каана (Угэдея); из мусульман – великих шейхов, знаменитых сейидов и благочестивых имамов, из христиан – епископов, священников, монахов и причт, из идолопоклонников – известных (туинов)...» (Рашид ад-Дин, 1960, С.141). В 1254 г. по повелению Каана была осуществлена перепись в Армении. Описывая эти события, Киракос замечает: «Но с духовенства не взыскали никаких податей, ибо не было у них на то приказа от хана.» (Киракос Гандзакеци, 1976, с.222). О льготах христианскому духовенству во всех покоренных землях говорится в договоре армянского царя Гетума I с Мункэ-кааном». (Армянские источники, 1962, с.69). Привлечение армянских летописей здесь оправданно, поскольку перепись и в Армении, и во владениях Бату проводили чиновники, направленные Кааном Мункэ, на общих основаниях (Рашид ад-Дин, 1960, с.149–150).

Льготы, предоставленные армянским христианам, совпадали с аналогичными пожалованиями русскому духовенству. Нет основания думать, что они не были оформлены документально. Поскольку с 1250 г. в Северо-Восточной Руси проживал, официально поставленный в Никее митрополит Кирилл, то и необходимый ярлык, по всей видимости, адресовался ему. В соответствии с пожалованием Великого каана золотоордынские ханы и от своего имени давали ярлыки русскому духовенству. О том, что так делали Бату и его наследник Сартак, мы уже говорили, подобным образом, вероятно, поступил и преемник Сартака его брат Улакчи, при котором и была проведена перепись 1257 г. (ПСРЛ, т.1, стб, 474; т.15, с.401).

Таким образом, ссылки в ярлыке Менгу-Темира на грамоты прежних царей относятся, на наш взгляд, к пожалованиям Каанов Гуюка и Мункэ, предоставленных в период общеимперских налоговых реформ, непосредственно затронувших русскую церковь, и золотоордынских ханов Бату, Сартака и Улакчи. Не без оснований можно предполагать, что в период правления мусульманина Берке русское духовенство пользовалось прежними льготами, хотя, возможно, и не в полном объеме. Об этом говорит основание в его столице кафедры православной епархии, подчиненной киевскому митрополиту. Религиозная политика монгольских правителей, несмотря на перипетии политической борьбы, была стабильной и неукоснительно проводилась на всех подчиненных территориях.

Изложенное позволяет не согласиться с мнением, что в период до 1257 г. русская церковь не получала льгот, и выдача ярлыков духовенству в этом году явилась неким поворотом в политике монголов (Охотина, 1990, с.73,76). Если автор имела в виду переход от завоевания к «мирной» эксплуатации покоренных народов, то вряд ли это можно назвать переворотом в монгольской политике по отношению к русской церкви.

Приверженность традиционному политическому курсу в отношении религии и церкви продемонстрировал и хан Менгу-Темир (1266–1280), подтвердив прежние пожалования, предоставленные русскому духовенству. Вероятно, что делал он это дважды – в 1266 г. и после 1275 г., когда по его приказу была проведена третья перепись населения русских земель, а для северо-восточных территорий вторая (ПСРЛ. т.10. с.152; т.4, с.42). Это мероприятие было следствием обретения Золотой Ордой независимости от имперского центра.

Среди сохранившихся ярлыков самым ранним является именно ярлык хана Менгу-Темира, выданный митрополиту Кириллу. Первые исследователи ярлыков В.В.Григорьев и М.Д.Приселков датировали документ 1267 г., считая основанием для выдачи ярлыка вступление на престол Менгу-Темира. (Григорьев, 1842, с.85, 93; Приселков, 1916, с.85). П.П.Соколов датировал ярлык 1279 г.,

связывая его появление со второй монгольской переписью населения в Северо-Восточной Руси в 1275 г. Он же первый отметил, но без детального обоснования, что рассматриваемый ярлык является вторым по счету пожалованием Менгу-Темира и дан как разъяснение предшествующего (Соколов, 1913, с.168–169). Действительно, анализ внутренней структуры ярлыка позволяет увидеть многослойность дошедшего до нас документа, обнаружить в содержании указания на обстоятельства его появления, позволяющие также уточнить датировку. По нашему мнению, высказанное П.П.Соколовым предположение является совершенно справедливым. До нас дошел перевод второй грамоты, которую следует датировать 1279 г. Ее содержание имеет уточнения и дополнения к первому ярлыку, связанные с переписью 1275 г. и проблемой определения круга лиц, принадлежащих к тарханным категориям населения (Сочнев, 2007, с.11–18).

Вышеизложенный вывод согласуется и с данными летописей. В Тверском сборнике под 1280 г. (6788 г.) читаем: «Ходи Игнатие епископ 2-е в Орду, за причет церковный» (ПСРЛ, т.15, стб.405). Ростовский владыка Игнатий, поставленный на кафедру в 1261 г., продолжал, по примеру своего предшественника, осуществлять связь с ханской администрацией. Он же, вероятно, по поручению престарелого митрополита Кирилла, скончавшегося в этом же 1280 г., и доставил ярлык в канцелярию главы церкви.

В первой половине XIV в. в развитии Золотой Орды произошли существенные изменения. Улус Джучи являлся самостоятельным государством, ни формально, ни фактически не зависящим от метрополии (Федоров-Давыдов, 1973, с.75–76). Процессы централизации в политической и общественной жизни, реформы в сфере управления и модернизация системы эксплуатации привели к усилению власти хана. Форма Золотоордынского государства все больше обретала черты восточной деспотии, для которой свойственно стремление с помощью собственной бюрократии максимально широко регулировать государственно-административную систему подвластных стран, в том числе и религиозную сферу.

Процессы, развивавшиеся в Золотой Орде во многом повторяли происходившее в бывших улусах Монгольской империи, а теперь уже самостоятельных государствах – в Китае, Средней Азии и Хулагуидском Иране. Это сходство было выделено исследователями и имеет для нас важное значение из-за бедности источников, которые можно привлечь к изучению рассматриваемой проблемы. В такой ситуации сравнительно-исторический метод позволяет в какой-то мере восполнить недостаток исторической информации.

Произошедшие изменения оказались и на взаимоотношениях с русской церковью. Еще одним определяющим фактором явилось принятие ислама в Золотой Орде в качестве государственной религии. После правления Узбека и Джанибека определяющий исламский облик золотоордынского государства и общества уже не подлежит сомнению.

В XIV в. контакты представителей русской церкви с ордынскими властями становятся более частыми, меняется и их характер. Анализ сложившейся ситуации на основе комплексного привлечения доступных для исследования источников позволяет утверждать, что новые тенденции проявились в стремлении ордынской администрации усилить свое влияние на высших иерархов церкви. В силу незавершенности процессов трансформации золотоордынского государства и недолгого периода его существования в новом статусе трудно определить окончательную модель взаимоотношений сарайских властей и духовных иерархов, складывавшуюся в указанный период. Представляется, что здесь можно опереться на оценки, существовавшие в историографии XIX в. Историки церкви считали, что по примеру князей на иерархов русской церкви были распространены обязанности являться за ярлыком к хану при своем назначении и за подтверждением при вступлении на престол очередного золотоордынского правителя (Голубинский, 1997, с.39, 122). Это затронуло не только митрополита и его представителей, но и епископов русской церкви.

Начинает меняться и характер выдаваемых им жалованных актов. В предыдущий период ярлыки духовенству были только тарханными, т.е. содержали пожалования, подтверждающие имущественные права церкви, податные и финансовые льготы, защищавшими от произвола ордынских чиновников и послов. В новых условиях ханская администрация стремилась придать ярлыкам характер инвестиции, т.е. утверждения в должности. Хотя такая трансформация не получила окончательного формального выражения, но властные устремления ханов видны в ярлыках, выданных в XIV в.

Проиллюстрируем наши рассуждения свидетельствами источников, к сожалению, весьма малочисленными. Очень показательны два летописных сообщения под 1313 и 1342 г. наиболее полно изложенные в Никоновской летописи. Первое относится ко времени митрополита Петра и хана Узбека: «Того же лета князь велики Михайло Ярославич Тверский поиде во Орду, также и Петр,

митрополит Киевский и всея Руси, вкупе с ним поиде во Орду того ради, понеже тогда во Орде Тахъта царь умре, а новый царь Азбяк сел на царстве и вся обновишася, и вси приходжаху во Орду и ярлыки имаху, койждо на свое имя, и князи и епископи; но милостию Божию Петр митрополит во Орде у царя бысть в чести велице, и отпущен бысть от царя со многою честию вборзе, и прииде на Русь» (ПСРЛ, т.10, с.178). Здесь поездка митрополита в Орду освещена более детально по сравнению с другими летописями, а известие о получении ярлыков епископами является уникальным.

Эта летопись, как известно, создавалась в канцелярии главы церкви, и ее составитель имел доступ в архив русской митрополии (Клосс, 1980, с.183). Отсюда в летопись могли попасть многие уникальные известия, в том числе и о получении ярлыков епископами. Известно, что в митрополичьей канцелярии хранились, кроме переведенных и дошедших до нас семи ярлыков, еще и много других, не переведенных на русский язык (Ярлыки, 1955, с.471).

Из летописного сообщения следует, что после прихода к власти в Золотой Орде хана Узбека к нему отправились великий князь и митрополит. Понятно, что это было связано с их официальным статусом главы государства и главы церкви. Новшество здесь в том, что впервые такую поездку, имеющую политическое значение, должен был предпринять митрополит. Именно это и позволяет говорить, что данное событие является началом процесса изменения политического отношения ханской администрации к представителям русской церкви. Интересна деталь, что не только митрополит, но и отдельные епископы должны были брать ярлыки каждый на свое имя. Новая ситуация позволяет предполагать, что этим ярлыкам придавался уже не только характер тарханов, но и инвеституры. По традиции в этих же ярлыках могли подтверждаться предыдущие пожалования и права, но не в прежнем виде и объеме.

Сообщение Никоновской летописи перекликается с Предисловием пространной коллекции ярлыков русским митрополитам. Эта коллекция была результатом расширенного редактирования краткой и включения ярлыка митрополиту Петру от хана Узбека, созданного автором на основе ярлыка Менгу-Темира приблизительно в середине XVI в. Для пущей убедительности составитель предиославил ярлыку Узбека, стоящему в коллекции на первом месте, Предисловие, информирующее о поездке Петра в Орду. Приведем это любопытное для нас сообщение: «В лето 6821 поиде в Орду Петр митрополит Киевский и всея Руси вкупе с великим князем Михаилом Ярославичем Тверским обиды ради церковных от лукавых человек судов и управлении и пошлин и уроков и даней и имений и стежаний людей всего притча церковного и о всех десятинах митрополичьих да и того ради чтобы наперед быти у царя немецких послов и бискупа Матвея папы Римского да и того ради понеже тогда во Орде Тогда (Тохта – Ю. С.) царь умер, а новый царь Азбяк сел на царство и вся обновишася от многих царств и от многих стран вси приходили в Орду к царем и ярлыки имали каждо на свое имя. Но милостию Божию Петр митрополит в Орде у царя был в велицей чести и отпущен был от царя вборзе со многою честию и управою и с ярлыки и з дефтери и прииде в свою митрополию на Русь и все православни християне сретоша его со многою радостию» (Приселков, 1916, с.43-44; Шахматов, 1904, с.5).

Поскольку Никоновская летопись и Пространная коллекция с предисловием были созданы в XVI веке, сведения, сообщаемые в них, вызывают некоторую настороженность. Наиболее полно сомнения в их достоверности выразил П.П. Соколов в статье «Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру» (Соколов, 1918, с.70–85). Автор убедительно доказывает подложный характер ярлыка Петру, но вместе с ним недостоверным считает сообщение предисловия. Кратко суть его основных аргументов сводится к следующему:

1) Предисловие пространной коллекции ярлыков послужило источником для Никоновской летописи в сообщении под 1313 г.;

2) П. П. Соколов полагал, что автор предисловия неверно отождествил епископские ярлыки с княжескими, считая те и другие за инвеститурные. «Если бы это было так, то он был бы прав в своей догадке, что и для всех епископов поездки в Орду были так же необходимы, как и для князей»;

3) Упоминание о ярлыках отдельным епископам в летописях является величайшей редкостью, и нельзя приписывать такую бедность упоминаний только недостатку известий. Характер ярлыков исключительно тарханный;

4) В заключение делается вывод: «Все это доказывает, что показания предисловия о характере ярлыков и об обязательной поездке за ними епископов обладают столь же малой исторической ценностью, как и прочие его показания. ... Только из предисловия к собранию ярлыков второй редакции составитель Никоновской летописи и мог почертнуть совершенно неправильные сведения о выдаче ярлыков каждым ханом и всем епископам и о инвеститурном характере этих ярлыков, что было тесно связано одно с другим» (Соколов, 1918, с.84–85). Поскольку после XIX в. в научный

оборот не было введено никаких принципиально новых источников, то и возражения современных скептиков практически повторяют мнение дореволюционного исследователя.

Попробуем оценить, насколько прав П.П. Соколов в своих возражениях. Предисловие к пространной коллекции ярлыков было написано с определенной целью – доказать достоверность ярлыка Узбека митрополиту Петру, для составления которого автор пользовался как основой ярлыком Менгу-Темира. Едва ли Предисловие было просто сочинено, против этого говорит существование известий под 1313 г. о поездке князя Михаила Ярославовича и митрополита Петра в Орду, читаемых в Троицкой, Симеоновской, Воскресенской летописях. Кроме того, ни на чем не основанное сообщение противоречило бы главной цели – доказать достоверность следующего за Предисловием ярлыка. Автор или распространил летописные сведения, дополнив их материалами из других источников, или заимствовал все Предисловие уже в таком виде.

Почему можно говорить о каких-то еще источниках, кроме летописей? Обращает на себя внимание фраза о католических послах и епископе Матвее, направлявшихся к Узбеку, и которых стремился опередить митрополит Петр. П.П. Соколов считает это известие не подтвержденным другими источниками и, следовательно, недостоверным. Другой известнейший исследователь ярлыков, М.Д. Приселков, более осторожен и оговаривается, что ему не известно, откуда взяты эти сведения составителем пространной коллекции (Приселков, 1916, с.44). А между тем это сообщение становится понятным, если учесть развернувшееся католическое проникновение во владения Золотой Орды в начале XIV в. На это обратил внимание еще Е.Е. Голубинский (Голубинский, 1997, с.123).

Проникновение католических миссионеров на Восток шло параллельно с торговой деятельностью генуэзцев и венецианцев при полной взаимной поддержке. Главным центром торговли генуэзцев в подвластных сарайским ханам землях была Кафа. Этот же город являлся и главной базой миссионеров (Зевакин, Пенчко, 1938, с.75, 119). На время Узбека как раз и приходится расцвет миссионерской деятельности католических орденов – францисканцев и доминиканцев. Эти события не могли не беспокоить византийскую и русскую церкви. Поэтому сообщение о поездке Петра с целью предупредить появление в Сарае католических послов представляется вполне достоверным, заимствованным, по всей видимости, из не дошедших до нас документов митрополичьего архива.

В рассматриваемой связи привлекает внимание и следующая фраза в предисловии, раскрывающая события в Орде после перехода власти к Узбеку «и вся обновишаяся от многих царств, и от многих великих княжений и от многих стран вси приходили в Орду к царем и ярлыки имали каждо на свое имя...». Известно, что генуэзские послы после воцарения Узбека поспешили к новому хану, а тем более это было обязательно для вассальнозависимых от Золотой Орды правителей разных стран. Такова была традиционная практика, восходящая ко времени основания Монгольской империи. Примеры этого многочисленны. Вспомним о возведении на престол Гуюка, подробно описанного П. Карпини. Присутствие вассальнозависимых правителей на церемонии возведения нового хана, как и подтверждение им прежних пожалований и ярлыков, было обязательным. Эта традиция продолжала действовать и после Узбека. Во всяком случае, прибытие ко двору Джанибека представителей стран Рума, Сирии, Джезиры, Диярбека, Фарса и Ирака отмечается в Анониме Искандера (Сборник, 1941, с.128). Эта обязанность лежала и на русских князьях, в первую очередь на Великом князе, коим являлся в это время Михаил Ярославич Тверской. Получение им и другими князьями ярлыков от Узбека не вызывает у исследователей сомнений. То же можно сказать и в отношении получения ярлыка митрополитом. Но вот сообщение о получении ярлыков епископами вызывает сомнения, а также инвестиционный характер ярлыков русскому духовенству. Однако ряд моментов подтверждают как раз это обстоятельство.

Ко времени Узбека в Золотой Орде сложилась стройная система управления не только кочевым, но и оседлым населением. Эта система имела принципиальное сходство с управлением в государстве иранских монголов (Федоров-Давыдов, 1973, с.107–108). Обратим внимание на то, что в Иране еще в конце XIII в. хан утверждал нового главу несторианской церкви. Это событие являлось результатом выше отмеченных процессов формирования централизованного государства. Подробно утверждение багдадского католикоса ханом Абагой описано в «Истории мар Ябаллахи III и раббан Саумы». Избранный в 1281 г. священниками несторианской церкви мар Ябаллаха отправился на утверждение к хану, только после согласия которого могло состояться посвящение нового кандидата в католикосы. «Он (Абага) покрыл его голову плащом, ибо его плащ был наброшен на его плечи, дал ему свое седалище, которое было небольшим троном. Он дал ему также зонтик. Он дал ему золотую пайдзу, которая являлась символом у этих царей, и обычные приказы (грамоты), что он властвует над всем, также большую печать, которая принадлежала предшествующим патриархам. Он подарил ему денег на большие расходы, обязательные при посвящении» (Пигулевская, 1958, с.75). Подобным

образом действовал и преемник Абаги Аргун. В «Истории Орбелианов» сообщается, что в 1288 г. он дал ярлык Стефану митрополиту Сюнийскому, «в котором утвердил за ним власть над всеми церквами, церковными владениями и епископами, дал ему от своего двора проводника, и пожаловал пайдзу...» (Патканов, 1873, с.64).

Смысл этих сообщений однозначен и очевиден – монгольский правитель утверждает главу церкви, выступая как высший суверен, и характер данных им ярлыков явно инвеститурный. Разумеется, нельзя проводить полной аналогии между Ираном и Золотой Ордой, ситуация в этих государствах не была тождественна, но существовали и общие моменты, определявшие сходство в религиозной политике, в структуре аппарата управления и его развитии. Оседлое несторианско население городов в Иране входило непосредственно в сферу управления администрации хана. Несторианская церковь, оставаясь самостоятельной в канонической отношении, вынуждена была признать верховенство монгольского хана. В Золотой Орде христианское население жило также преимущественно в городах, и в качестве представителя его интересов стремилась выступать русская церковь. Но здесь была некоторая особенность, русская церковь зависела от Константинопольского патриарха, кроме того, русские земли имели административную автономию. Но все же можно предположить, что в XIV в. эволюция золотоордынской верховной власти на основе восточнодеспотических традиций сказалась на порядке получения ярлыков русским и другим духовенством у ханов Золотой Орды. Подтверждение есть в ярлыках, полученных русскими митрополитами в XIV в. На меняющийся статус документа указывает фраза, присутствующая во всех ярлыках этого времени: «И как в Володимери сед богу молиться за ... (следуют имена ханов, дававших ярлык)» (Ярлыки, 1955, с.465, 468, 469). На наш взгляд, эта фраза отражает наметившееся изменение характера ярлыков, поскольку именно опора на авторитет хана подразумевается в качестве одной из основ для утверждения митрополита во Владимире. Восходит это, несомненно, ко времени ярлыка Тохты митрополиту Петру, выданного в 1308 г. (Приселков, 1916, с.68–69).

Показателен в этом плане еще один пример, правда, касающийся не русской, а православной церкви. В середине пятидесятых годов XIV в. глава аланской церкви, вступив в конфликт с патриархом, отправился к сарайскому хану и взял у него *dixelion* (ярлык ? – Ю.С.), делая себя независимым от Восточной церкви (Акты, 1867, с.450–452). В данном случае хан выступает как верховный правитель даже и для иноверной церкви, действующей на его территории. В этом он схож с правителями Хулагуидского Ирана. С канонической точки зрения, действия митрополита английского были незаконны и он был низложен в 1356 г.

Однако вернемся к возражениям П.П. Соколова. Сомневаясь в получении ярлыков епископами, он пишет: «Но раз речь шла об иммунитете духовенства, то выписки из татарских законов, данной митрополиту в форме ярлыка, были совершенно достаточны для всех подчиненных митрополиту, и епископам ради этого не для чего было ездить в Орду, и есть основания думать, что такие поездки, если и бывали, то были совершенно необычными» (Соколов, 1918, с.84). По нашему мнению, это утверждение неверно.

В XIV в. внутреннее положение русской церкви значительно изменилось. Во-первых, возникли новые епархии, в том числе и в княжествах, которые активно действовали на политической сцене, например, в Тверском и Нижегородском княжествах. Тверской епископ Андрей выступал активным противником митрополита Петра, в дальнейшем обозначились противоречия между митрополитами, живущими в Москве, и сузdalско-нижегородскими епископами. В условиях монгольского господства, когда ханская власть возвышалась над политико-административной системой Руси, особенно в период ее наивысшего могущества возникал соблазн обращаться к ордынской администрации в разрешении споров не только у князей, но и у представителей духовных властей.

Во-вторых, характер церковной собственности на землю оставался прежний – разобщенный. Это означало, что митрополит не имел юридического права вмешиваться в земельные и связанные с ними отношения собственности, складывавшиеся в отдельных епархиях. Глава церкви не являлся верховным собственником всех церковных владений.

Епископы имели собственные источники обеспечения, независимые от митрополита, располагали земельными владениями, которыми глава церкви не мог распоряжаться. Например, тверской епископ Андрей имел в своем распоряжении целую волость Олешну, пожалованную, вероятно, князем при основании самостоятельной кафедры в Твери в качестве источника ее обеспечения. Эти владения упоминаются в Симеоновской летописи при сообщении о нападении Литвы в 1285 г. (ПСРЛ, т.18, с.81). Представить, что митрополит Петр заботился об иммунитете для владений своего главного противника едва ли возможно, тем более что он ими не распоряжался и не получал от них никаких доходов.

Из изложенного видно, что при существовавшем положении дел с церковной земельной собственностью, в условиях самостоятельности отдельных княжений и противоборства князей, вполне возможно было получение ярлыка отдельными епископами. Понятно, что это наталкивалось на противодействие митрополита и в дальнейшем великого князя, стремившегося сохранить за собой прерогативу монопольных связей с Ордой. Для хана же, выступавшего в качестве сюзерена, наоборот, это было выгодно, т.к. увеличивало круг источников поступлений в его казну. Разумеется, контакты с ордынской администрацией и получение ярлыков епископами зависели от политики собственного князя. Примером подобной зависимости является известная поездка в 1293 г. в Орду ростовского епископа Тарасия вместе с коалицией ростовско-ярославских князей. Пример получения ярлыка епископом связан с сарайским владыкой, который занимал, правда, несколько особое положение. В 1330 г. «пожаловал Азбяк царь Сарайского владыку, даде ему вся по прошению его, и никто же его ничим же да не обидит» (ПСРЛ, т.10, с.203). Несомненно, речь здесь идет о ярлыке, выданном сарайскому епископу.

Отсутствие сведений о поездках епископов в Золотую Орду в XIV в. связано с самим характером нашего летописания. Для летописцев это было примером участия церкви в мирских делах, причем имевшим оттенок некой неканоничности, и в целом не приветствовалось, поскольку противоречило существовавшим в общественно-политическом сознании нормам. Кроме того, зависимость епископов от своих князей была очень велика, поэтому в Сарай они должны были отправляться совместно с ними. Присутствуя в окружении князя, они как бы терялись в ореоле его политического статуса.

Следует иметь в виду, что период, в который могла развиваться такая практика, был кратким, и она не отразилась в источниках. А само летописание, в котором мы имеем основные сведения о рассматриваемом периоде, является явно промосковским и восходит преимущественно к митрополичьим сводам. Это, безусловно, наложило отпечаток на его содержание, поскольку хорошо известны централизаторские позиции составителей и редакторов этих сводов.

Итак, суммируя наши наблюдения, высажемся в пользу сообщений Никоновской летописи и предисловия Пространной коллекции ярлыков. Информация, почерпнутая в них, хорошо согласуется с другими историческими сведениями и имеет подтверждение. На наш взгляд, они заслуживают оценки как достаточно достоверные известия, и не прав был П.П. Соколов категорично утверждая, что они не имеют исторической ценности. Скорее всего, и Никоновская летопись и Предисловие заимствовали сведения из какого-то общего источника. Это, кстати, допускал и М.Д. Приселков (Приселков, 1916, с.43).

Под 1342 г. Никоновская летопись содержит сообщение, по смыслу близкое рассмотренному нами: «Того же лета прииде из Орды от царя Чанибека Феогност, митрополит Киевский и всея Русии, ходил о причте церковнем, имаше бо и митрополит и епископы ярлыки на своя причты церковныа от царей Ордынских» (ПСРЛ, т.10, с.215). П.П. Соколов считал, что здесь автор Никоновской летописи совершил ту же ошибку, что и в сообщении под 1313 г. Но если в первом случае использовалось Предисловие, то что же здесь? Если автор по аналогии с поездкой митрополита Петра детализировал известие о путешествии Феогната, то возникает вопрос: почему только это, оставив без внимания последующие поездки митрополитов?

Вероятно, сообщения под 1313 и 1342 гг. в Никоновской летописи имеют под собой реальную основу. В изменившихся в дальнейшем условиях, при усилившемся Московском княжестве, начавшем проводить централизаторскую политику, укреплении власти великого князя и митрополита, ослаблении Золотой Орды поездки епископов прекращаются.

Процессы централизации, реформы в сфере управления и модернизации системы эксплуатации вели к усилению налогового пресса как в самом степном государстве, так и в землях, находившихся в вассальной зависимости. Возросшие финансовые требования ханской администрации объясняются грандиозным строительством, развернувшимся на берегах Волги, масштабными военными кампаниями, требовавшими огромных материальных средств и людских ресурсов.

Для расширения поступлений доходов ханская власть была заинтересована в увеличении количества налогообязанного населения. В этих условиях происходит пересмотр налоговых льгот, ранее предоставленных духовным лицам и организациям. В частности, на русскую церковь были распространены определенные финансовые обязательства. Чем это можно подтвердить?

В известном нам предисловии к Пространной коллекции ярлыков есть интереснейшая деталь. При сообщении о возвращении митрополита Петра от хана Узбека на Русь, отмечается, что он был отпущен «со многою честию вскоре, и оправою, со ярлыки и з дефтери» (Шахматов, 1904, с.5).

Итак, митрополит Петр получил от Узбека наряду с ярлыком и дефтерь, т.е. налоговую грамоту или податной список (Словарь, 1977, с.240). Это вполне соответствует тому статусу, который наряду

со светскими властями был распространен и на духовенство. Данный термин восходит к персидской традиции, т.е. в тюркские языки попал из персидского. На наш взгляд, это хорошо согласуется с отмеченным обстоятельством, что в Золотой Орде в XIV в. начинает формироваться административная система, имеющая аналог в Хулагуидском Иране и действовавшая по сходной модели. В державе Ильханов после прихода в 1295 г. к власти Газана ислам утверждается в качестве государственной религии. Это приводит к изменению прежней религиозной политики, на христианское население была возложена обязанность платить джизью и носить специальную одежду (Пигулевская, 1958, с.113–114).

Об исторической ценности Предисловия как источника выше уже говорилось. Автор составил Предисловие и ярлык Узбека с целью обосновать привилегии и льготы церкви, якобы дарованной ей монгольскими ханами. Но упоминание о дефтере противоречит этому. По всей вероятности, эти сведения не были до конца понятны автору и он включал их автоматически, не уяснив их смысла. На это предположение наталкивает упоминание о дефтерях в описи царского архива 1575–1584 гг.: «А в нем (ящике) дефтери старые от – Батыя и от иных царей, переводу им нет, никто перевести не умеет» (Описи, 1960, с.32). Судя по этому отрывку описи, в XVI в. перевести дефтери не могли, а следовательно, и судить до конца, что это за документы. Предисловие к Пространной коллекции ярлыков, как мы уже отмечали, составлено также в XVI в. Автор, вероятно, рассматривал дефтерь как подобие жалованной грамоты и включил упоминание о ней в предисловие и ярлык Узбека митрополиту Петру.

Финансовый интерес к церковному имуществу со стороны ханской администрации при митрополите Петре возник не случайно. Этому способствовала борьба главы церкви с великим князем Михаилом Ярославовичем Тверским. Автор Предисловия, говоря о причинах поездки Петра, отмечает и следующее: «обид ради церковных, пошлин, и оуроков, и даней, имених, и стяжаних, людей и всего причта церковного: и во всех десятинах его митрополиих» (Шахматов, 1904, с.5). А вернулся митрополит с «оуправою», т.е. с решением (разбором) дела. Митрополит, видимо, апеллировал к хану, ища защиты, и за использование авторитета верховной власти, вынужден был поступиться частью прежних привилегий. Кроме того, у ханской власти к этому времени уже были основания включать владения митрополита в податные списки.

Известно, что Петр купил на свои средства у тарусских князей г. Алексин с волостью. С.Б.Веселовский ставит эту покупку в зависимость от перевода митрополичьей кафедры из Киева во Владимир (Веселовский, 1947, с.332, 377). Поскольку точная дата покупки не известна, допустимо предположить, что она была совершена в самом начале пребывания Петра на митрополичьей кафедре. Покупка свидетельствовала, о том что митрополичья кафедра располагала значительными средствами. Все это давало ханской администрации основания рассматривать церковь как вполне платежеспособного данника. По вкладам и пожалованиям духовенство получало в свое распоряжение княжеские или боярские земли. Но многие из этих владений, вероятно, кроме вновь освоенных земель, подвергались переписи в 1257 или 1275 году. Едва ли монгольская администрация с охотой шла на то, чтобы на них тотчас же был распространен иммунитет и они выпали из списка податных владений. Это существенно сокращало доходы ханской казны, что, в условиях роста расходов на строительство городов, дворцов и ведения войн, было крайне не выгодно. Поэтому русская церковь и духовенство, и начинают попадать в категорию финансово-обязанных перед ханской администрацией субъектов. Из-за скучности источников определить конкретный объем этих обязательств практически невозможно.

Интересно сравнить рассматриваемую ситуацию с положением дел в Китае, где в правления Чингисхана, Угэдэя и Хубилая (до 1264 г.) духовенство различных религий освобождалось от всех налогов. В дальнейшем, в зависимости от различных обстоятельств, духовенство подвергалось обложению или освобождалось от него. При этом приказы об обложении издавались главным образом в тех случаях, если обнаруживалось, что храмы незаконно укрывали в своих стенах крестьян, обязанных платить налоги, или сами захватывали теми или иными способами крестьянские и государственные земли и, обрабатывая их с помощью зависимого населения, уклонялись от уплаты налогов (Думан, 1977, с.357).

О платежеспособности церкви при митрополите Петре и стремлении золотоордынской администрации получать от нее доходы можно судить также по посланию монаха Акиндина к великому князю Михаилу Ярославовичу, направленное против главы церкви. «Написание о поставляющих мзду ради» написано, видимо, в период между 1312–1315 г.г. (Кучкин, 1963, с.60). В этом послании Акиндин резко выступает против симонии (взимания денег за рукоположение в церковный сан) и обвиняет в этом митрополита. Автор также пишет: «Слышах бо некая безочеством

(бездыдством) известующа вины в грехах, поганьского ради насилия се творяще – пресвятое и не продаемое продают и купять, их же Апостол суесловники и ум погубивша нарече. Како не стыдитесь се глаголюще? Поганый бо, ли тать, ли разбойник, где видит богатство, то (тоу) всяко тщание творить пограбити, ли покрасти, ли разбити; а идеже нищата Христова смирения, ту не надеется ничтоже приобрести: то и не насильть и не томить» (РИБ. т.6. стб.154). Как видим, Акиндин выступает против симонии и, ссылаясь на апостольские заповеди, в целом против богатства церкви, не соглашаясь с объяснением, что деньги за поставление взимаются из-за насилий завоевателей. Не будем оценивать правомерность его слов, для нас важно, что митрополит Петр или его сторонники говорили о необходимости платить золотоордынской администрации.

Таким образом, данные, извлеченные из Предисловия, подтверждаются сведениями из послания Акиндина. Все это позволяет утверждать, что уже при митрополите Петре, т.е. в период правления хана Узбека, а возможно, еще в конце правления Токты, политика золотоордынских правителей в отношении церкви начинает меняться. На духовенство были распространены определенные фискальные обязательства, т.е. выплата какой-то дани или налогов. Конкретный их вид и объем определить не представляется возможным.

Еще более определенно фискальный интерес ханской администрации к владениям русской церкви оформился при хане Джанибеке, в период управления церковью митрополита Феогноса. Надо полагать, это было связано с ростом материального благосостояния церкви, увеличением ее земельных держаний и превращением в крупнейшего землевладельца (Веселовский, 1947, с.333, 387). Мы уже приводили сообщение Никоновской летописи о поездке митрополита Феогноса в Орду к новому хану Джанибеку в 1342 г. и получении им ярлыка. Далее следует рассказ о притеснениях, которые претерпел митрополит при дворе хана (ПСРЛ. т.10. с.215).

Сообщения об этом событии содержат и Новгородские летописи. Приведем цитату из Новгородской первой летописи, как более древней, по сравнению с Никоновской. Под 1343 г.: «Того же лета митрополит Феогнаст Гричин ходи в Орду к цесарю к поганому к Шеньбеку, и обадиша его калантаи к цесареви, ограбиша его, а самого яша и измучиша, а ркущи: «давай дань полетнюю; он ся в то не да, и положи посула 6 сот рублей и выиде на Русь здрав» (НПЛ, с.357; ПСРЛ. т.25. с.175). Здесь, очевидно, описывается ситуация, когда, согласно существовавшему порядку, прибывшему митрополиту, пытались вместе с ярлыком навязать и дефтерь, что означало превращение главы церкви в налогоплательщика. Это вызвало протест Феогноса. Возможно, с прибытием Феогноса на русскую кафедру, ему удалось отклонить финансовые требования ханской администрации и не выплачивать налоги, определенные при митрополите Петре. Это могло произойти в 1333 г., когда глава русской церкви был «в Цареграде и в Орде» (ПСРЛ, т.4. с.265) Причины поездки, скорее всего, были связаны с избранием в Константинополе нового патриарха Ионна Калеки (Лебедев, 1998, с.205–207). После подтверждения своих полномочий новым главой православной церкви Феогност получил соответствующую санкцию и в Сарае.

Чиновники при новом хане Джанибеке попытались вновь сделать митрополита налогоплательщиком, причем речь шла о ежегодных выплатах. Апеллируя, видимо, к одной из группировок, противостоящих друг другу при дворе хана, Феогносту удалось путем подкупа избежать этого. Одна из возможных причин включения митрополита и, вероятно, других представителей духовенства в число фискальнообязанных лиц связана с укреплением при Джанибеке мусульманских кругов и той закулисной борьбой, которая неизбежно сопровождала процесс смены ханов в Золотой Орде. «Аноним Искандера» так характеризует правление Джанибека: «Весь улус Узбека он обратил в ислам, разрушил все копища идов, воздвиг и устроил много мечетей и медресе. Все свое внимание он обратил на благополучие людей ислама. Много людей превосходных и ученых из разных краев и сторон государств ислама направились к его двору. Сыновья эмиров Дешта в его время почувствовали склонность к приобретению совершенств и изучению наук... Все обычай, которые в тех странах подобны обычаям жителей стран ислама, ввел в том государстве он» (Сборник, 1941, с.128). Но не следует забывать об особенностях мусульманских авторов, преувеличивавших религиозное рвение золотоордынских ханов.

На мусульманский фактор, на наш взгляд, указывают и сообщения летописей о том, кто явился виновником бедствий митрополита Феогноса. В Никоновской летописи говорится о неких русских людях, оклеветавших митрополита, а в Новгородской летописи – это калантаи. Е.Е.Голубинский, а вслед за ним и Н.С.Борисов считают, что калантаи – это сборщики податей. В налоговой системе монгольских государств существовал специальный налог – калан, являвшийся одним из основных налогов в пользу государства с земледельческого населения (Бартольд, 1911, с.20; Петрушевский, 1960, с.384). В некоторых золотоордынских ярлыках калан относится к податям, взимавшимся с

покоренных народов и шедшим в пользу хана, членов ханского рода, высших чиновников, посланцев (Березин, 1850, с.20). Как видим, в деле с митрополитом Феогностом речь шла не о требовании подношений или разовых выплат, а именно о регулярном налогообложении в пользу хана.

Небольшие, но все же определяемые сведения об обложении церковных земель данью в счет выплаты ордынского выхода в Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1404 г. также ведут к временам митрополита Феогнosta (ПРП, вып.3, с.421–422).

Летописные известия подтверждаются информацией, извлеченной из ханских ярлыков. Согласно исследованию М.Д. Приселкова, ярлык Джанибека оказался менее милостивым по сравнению с ярлыками других ханов. В нем отсутствует ссылка на Чингиз-хана и предшествующих правителей, законодательно освобождавших священнослужителей от всех налогов, исчезли свобода от дани и свобода от постоя на церковных дворах, а также были введены некоторые стеснения церковного суда (Приселков, 1916, с.73–79). Позднее при митрополите Алексее у Бердигека удалось добиться возвращения к прежней форме ярлыков. Все льготы, предоставляемые церкви ранее, были восстановлены в прежнем объеме (Приселков, 1916, с.78).

Обобщая все изложенное, констатируем, что начало формирования политики ханов Золотой Орды по отношению к русской церкви относится к 40-м гг. XIII в. С этого времени и до начала XIV в. эта политика была традиционно покровительственная. В первой половине XIV в. изменения в политической и общественной жизни золотоордынского государства отразились и на религиозной политике сарайских ханов. Для русской церкви это означало усиление вмешательства монгольской администрации в ее дела и утрату ряда льгот. Но при хане Бердигеке произошло восстановление прежнего положения.

Акты, 1867 – Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1867. – Т.6. – С.445–447.

Армянские источники, 1962 – Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. – М.: Вост. лит., 1962.

Бартольд, 1911 – Бартольд В.В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. – СПб., 1911.

Бартольд, 1964 – Бартольд В.В. Сочинения. Т.2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Ч.2. – М.: Наука, 1964.

Белозеров, 2002 – Белозеров И.В. Русские митрополиты и ханы Золотой Орды: система взаимоотношений // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 2003. – № 3. – С.3–21.

Белякова, 1988 – Некоторые наблюдения над отражением исторических фактов в «Повести о Петре, царевиче Ордынском» // Литература Древней Руси. Источниковедение. Сб. науч. трудов. – Л. : Наука, 1988. – С.77–81.

Березин, 1850 – Березин И.М. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). – СПб., 1850.

Веселовский, 1947 – Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Голубинский, 1997 – Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.2. Период второй, московский. Первая пол. тома. – М., 1904. Репринт. М., 1997.

Григорьев, 1842 – Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. – М., 1842.

Думан, 1977 – Думан Л. И. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. – М.: Наука, 1977.

Зевакин, Пенчко, 1938 – Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. – 1938. – № 3. – С.72–129.

Киракос Гандзакеци, 1976 – Киракос Гандзакеци. История Армении. – М.: Наука, 1976.

Клосс, 1980 – Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XIV–XVI вв. – М.: Наука, 1980.

Ключевский, 1988 – Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М.: Наука, 1988.

Кучкин, 1963 – Кучкин В.А. Источники «Написания» мниха Акинтина // Археографический ежегодник за 1962 г. – М., 1963. С.60-68.

Лебедев, 1998 – Лебедев А.П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. – СПб.: Алетейя, 1998.

Мункуев, 1965 – Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елой Чу-Цая. Перевод и исследование. – М.: Наука, 1965.

Насонов, 1940 – Насонов А.Н. Монголы и Русь – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

Описи, 1960 – Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. – М., 1960.

Охотина 1990 – Охотина Н.А. Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. – М.: Наука, 1990.

Патканов, 1873 – Патканов К.П. История монголов по армянским источникам. – СПб., 1873. Вып. I.

Петрушевский, 1960 – Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Пигуловская, 1958 – Пигуловская Н.В. История маар Ябалахи III и раббан Саумы. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Повесть, 1958 – Повесть о Петре. Русские повести XV–XVI вв. – М.; Л.: Госполитиздат, – 1958. С.98–105.

Попе, 1941 – Попе Н.Н. Квадратная письменность. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Приселков, 1916 – Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. – Пг, 1916.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т.1. Лаврентьевская летопись. – М., 1997; Т.2. Ипатьевская летопись. – М., 1962; Т.3. Новгородская третья летопись. – СПб., 1841; Т.4. Ч.2. Новгородская пятая летопись. Вып.1. – Пг., 1917; Т.7. Летопись по Воскресенскому списку. – М., 2001; Т.10. Патриаршья или Никоновская летопись. – М., 2000; Т.15 Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000; Т.18. Симеоновская летопись. – СПб., 1913; Т.25. Московский летописный свод конца XV в. М.:Л., 1949.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000.

Путешествия, 1957 – Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Гос. Изд-во Геогр. лит., 1957.

Рашид ад-Дин, 1960 – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.2. – М.:Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

РИБ. Т.6. – Русская историческая библиотека (РИБ). Т.6. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. – СПб., 1908.

Сборник, 1941 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Серебрянский, 1915 – Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). – М.: ОИДР при Моск.ун-те, 1915.

Словарь, 1977 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.4 (Г–Д). – М.: Наука, 1977.

Словарь книжников, 1989 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. (вторая половина XIV – XVI вв.). Ч.2 (Л – Я). – Л.: Наука, 1989.

Соколов, 1913 – Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения. – Киев, 1913.

Соколов, 1918 – Соколов П.П. Подложный ярлык хану Узбека митрополиту Петру // Русский исторический журнал. – 1918. – Кн.5. – С.70 – 85.

Сочнев, 1992 – Сочнев Ю.В. Русская церковь и Золотая Орда. Дис.канд. ист. наук. – М., 1992.

Сочнев, 2003 – Сочнев Ю.В. Характеристика общих принципов религиозной политики монгольских правителей в XIII–XIV вв. // Мининские чтения. Материалы научной конференции. – Н.Новгород, ННГУ, 2003.

Сочнев, 2007 – Сочнев Ю. В. Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов и датировка ярлыка Менгу-Темира // Российский исторический журнал. – 2007. – № 2 (41). – С.11–18.

Татищев, 1996 – Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т.V и VI. История Российской. Ч.3 и 4. – М.: Ладомир, 1996.

Федоров-Давыдов, 1973 – Федоров-Давыдов Г.А. Об общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973.

Шахматов, 1904 – Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи. – М., ОИДР, 1904.

Ярлыки, 1955 – Ярлыки татарских ханов московским митрополитам (Краткое собрание) // Памятники русского права. Вып.3. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. – С.465–471.

Л.Д. Макаров

Вятский край в системе болгаро-ордынского влияния

Ранние страницы русской колонизации бассейна р.Вятки в той или иной степени связаны с расположенной к югу территорией Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, на которой возникли государственные образования: Волжская Болгария, включенная затем в состав Золотой Орды, а с середины XV в. – Казанское ханство.

Большая часть сведений о взаимоотношениях вятчан – выходцев из Древней Руси с преимущественно тюркским населением, Вятской земли – с указанными выше государствами известна нам из письменных и археологических источников. Наиболее ранние даты – 1174 и 1181 гг. – приводят местные вятские источники, в особенности «Сказание о вятчанех» (далее СВ, последняя четверть XVII в.) и «Повесть о стране Вятской» (далее ПСВ, начало XVIII в.), достоверность сведений которых нередко ставится под сомнение до сих пор, после имевшей место критики ПСВ еще А.А.Спицыным, А.С.Верещагиным, П.Н.Лупповым, А.В.Эммаусским. Эти исследователи пришли к выводу об удревнении составителем ПСВ событий 1374г. (набег ушкуйников на Вятку) ровно на 200 лет. Археологические раскопки, проведенные во второй половине XXв. (Л.П.Гуссаковский, И.И.Степанова, Л.Д.Макаров, Н.А.Лещинская, В.В.Ванчиков, Л.А.Сенникова, Н.Е.Соколова и И.Ю.Трушкова), вновь заставили обратить внимание ученых на ранние датировки в ПСВ.